

служить подкреплением норманистской теории: в первой половине IX в. в Киеве правил русский «хакан», и именно его послы были отправлены в Константинополь.

Одно обстоятельство я должен отметить с удивлением: если Рязановский обильно цитирует новую западную и старую русскую литературу вопроса, то ссылается на советских авторов он избегает (названы лишь по одной работе Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова и труды наших востоковедов: А. П. Дьяконова, Н. В. Пигулевской, В. В. Бартольда, относящиеся, собственно говоря, к смежным сюжетам). Рязановский убедительно критикует Вернадского, Стендер-Петерсена, Г. Пашкевича, — но нет ни слова о том, что критика норманистских воззрений этих ученых была давно уже дана на страницах советских журналов. Он признает достоверность сообщения о набегах русских на Амастриду — и не упоминает о статье Е. Э. Липшиц в защиту достоверности этого сообщения. Число подобных примеров можно было бы увеличить.

А. К.

S. VRYONIS. THE QUESTION OF THE BYZANTINE MINES

«Speculum», XXXVII, 1962, № 1, p. 1—17

Американский исследователь С. Врионис — по существу, впервые в науке — поставил вопрос о добыче металлов в Византии. Он привлек значительную массу источников — как законодательных памятников, так и нарративных; наряду с греческими текстами используются армянские, арабские, персидские. Автор ссылается также на археологический материал, правда, весьма скудный (стр. 14).

Врионис констатирует прежде всего, что византийские законодательные памятники (Василики и схолии к ним) позволяют сделать вывод, что металлодобыча сохраняла в византийском обществе то же положение (the same position), что и в римском (стр. 3). Правда, позднее и совсем в другой связи Врионис допускает возможность того, что поздние юридические источники (в частности, «Шестикинижие» Арменопула) содержат лишь архаические повторения предписаний кодексов Феодосия и Юстиниана (стр. 9, прим. 42). То же самое с полным правом мы могли бы отнести и к Василикам (и их схолиям): это не оригинальные тексты, а переводы юстиниановских норм. Поэтому первый аргумент Вриониса нельзя считать сколько-нибудь убедительным. Впрочем, он и не ограничивается таким аргументом, а собирает — и в этом ценность статьи — конкретные сведения о рудниках в Византии — отдельно для Малой Азии и Балканского полуострова.

По данным Вриониса, упоминания о рудниках в Малой Азии и на Балканах довольно обильны в позднеимперийский период; они сокращаются в эпоху с V по XII в. и становятся вновь многочисленными с XIII столетия. Объяснить это обстоятельство, согласно Врионису, можно двояко: либо мы допустим — вместе с исследователем истории римских рудников О. Дэвисом, — что в результате арабских завоеваний, а также германских и славянских вторжений часть рудников была потеряна империей, часть же пришла в запустение; либо же — и сам Врионис склоняется именно к этой точке зрения — мы будем искать разгадку в характере византийских источников, не уделявших достаточного внимания будничным предметам вообще и металлодобыче в частности (стр. 16 сл.). «Очевидно, — заключает свою статью Врионис, — что золото, серебро, медь, железо и свинец были доступны византийцам на их собственной земле и в соседних (sic!) областях; эти металлы добывались в рудниках, которые, по-видимому, продолжали функционировать от античности до османского господства» (стр. 17).

Итак, несмотря на отсутствие источников, Врионис приходит к весьма определенному выводу о континуитете горного дела в Византии — подобно тому, как в другой статье он отстаивал тезис о континуитете византийских городов¹.

Конечно, нет никаких сомнений, что металлодобыча не исчезла в Византии после IV столетия. Весьма интересны, в частности, собранные Врионисом данные о борьбе империи с персами в VI в. за богатые рудники в пограничных районах (стр. 5 сл.). Он ссылается также на свидетельство Павла Силенциария о серебряных рудниках в Пангее и Сунии (стр. 13) — свидетельство, относящееся опять-таки к VI в.

Зато с VII по XII в. Врионис не знает ни одного упоминания о византийских рудниках, если не считать топонима Халкургия в эпосе о Дигенесе, и ограничивается сведениями восточных писателей о рудниках в Армении и смежных районах. Вполне вероятно, впрочем, что Армения и восточные области Анатолии оставались и в эти столетия центрами добычи металлов, и Врионис с полным основанием поддерживает точку зрения Р. Блейка, считавшего, что упадок арабской чеканки серебряной монеты в X — XIII вв. обусловлен переходом серебряных рудников в руки византийцев (стр. 7).

¹ S. V r y o n i s. An Attic Hoard of Byzantine Gold Coins (668—741) from the Thomas Whittemore Collection and the Numismatic Evidence for the Urban History of Byzantium. — ЗРВИ, 8, 1963, p. 291—300.

Впрочем, мы располагаем кое-какими прямыми, хотя и скудными, данными IX — XII вв. о металлодобыче, оставшимися Врионису неизвестными. В хронике Псевдо-Симеона, например, содержится объяснение названий городов Хрисополь и Халкидон: первое — от золота (*χρυσός*), добываемого там в рудниках (*ἐκ μεταλλῶν*), второе — от меди (*χαλκός*)². Евстафий Солунский говорит о промывании песка с целью добыть золото и серебро³. Более конкретные данные содержатся в Житии Афанасия Трапезундского: в IX в. в проастии Цампур (Цабур), принадлежавшем трапезундскому монастырю св. Фоки, добывалось железо⁴.

Все подобные, довольно случайные упоминания, собрать которые следовало бы с максимальной полнотой, не могут все же служить материалом для выяснения вопроса о степени развитости горного дела в Византии сравнительно с Римской империей. Поэтому в дополнение желательно было бы обратиться к некоторым материалам иного рода.

Во-первых, многого можно ждать от археологических материалов, известных автору только по общим работам Дэвиса и Иречека. Укажу, например, на существование медного рудника близ Згури-града, в Искырском ущелье (Болгария), функционировавшего, судя по монетным находкам, в XII в.⁵ Химический анализ византийских изделий из бронзы и других металлов также мог бы служить важным средством для изучения средневековых рудников Малой Азии и Балкан⁶.

Во-вторых, следовало бы попытаться поставить вопрос о технике горнорудного дела в Византии. Любопытно, например, что Евстафий Солунский в указанном выше месте применяет термин *μεταλλεία* к открытой разработке металла. И если прямых данных о технике строительства рудников нет или почти нет, то можно было бы обратиться к известиям византийских хронистов о проведении подкопов под стены осажденных городов и выяснить, изменилось ли искусство земляных работ в сравнении с римским временем.

В-третьих, было бы чрезвычайно полезно осветить вопрос о ввозе металлов в Византию. Уже давно было отмечено, что на Левант из Англии вывозилось не только олово, но и медь⁷, что из Дубровника на Левант везли свинец и железо⁸. Попадали эти металлы только на мусульманский Восток или часть их оказывалась в Византии? Сводка данных такого рода позволила бы поставить проблему обеспеченности империи своим металлом.

В-четвертых, данные (в том числе и археологические) о кузнечном деле также должны быть учтены: ведь кузнечное дело в средние века было тесно связано с восстановлением металла из руды. Угольщики, добывавшие древесный уголь, поставляли материал для восстановительного процесса. Константин Манасси упоминает византийских угольщиков, считая их ремеслом одной из самых презираемых профессий⁹.

Очень любопытен источник, затронутый Врионисом, к сожалению, крайне бедно, — византийская топонимика (стр. 13 сл.). Разумеется, полная сводка местных названий, связанных с добычей металлов, могла бы пролить кое-какой свет на изучаемую проблему. При этом бросается в глаза, что названия, связанные с железом (Сидерокавсия¹⁰, Сидерокастрон¹¹, Сидерони¹²) или с медью (Халковунос¹³, Халкисса¹⁴, упомянутая

² Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 729. 3—6.

³ Eustathii Thessalonicensis Opuscula. Francof. a. M., 1832, p. 251. 17—22. Ср. С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром. Одесса, 1905, стр. 298. 60—61, где упомянуты *μεταλλικοί*, добывающие золото и серебро.

⁴ См. А. П. Каждан. Дервения и город в Византии IX — X вв. М., 1960, стр. 192.

⁵ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI — XII вв. М., 1960, стр. 21.

⁶ Ср. для более раннего времени: S. Przeworski. Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500—700 vor Chr. Leiden, 1939, S. 89 f. По мнению С. Пшеворского, именно химический анализ является главным источником для изучения древних медных рудников.

⁷ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Борьба между западноевропейскими государствами за преобладание на Средиземном море в эпоху крестовых походов. — ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1944, № 5, стр. 217.

⁸ Б. Крекић. Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956, стр. 93.

⁹ К. Ногна. Eine unedierte Rede des Konstantin Manasses. — «Wiener Studien», 28, 1906, S. 182. 294—295.

¹⁰ Actes de Zographou. СПб., 1907, № 5.38; Actes d'Esphigmènou. СПб., 1906, № 12.41; Actes du Pantocrator. СПб., 1903, № 8.67—68 и др. Относятся все эти названия к одному селению или к разным?

¹¹ Г. Г. Литаврин. Указ. соч., стр. 22.

¹² Ф. И. Успенский, В. В. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927, № 12.3; 45.2 и др.

¹³ Actes de Xenophon. СПб., 1903, № 3.37.

¹⁴ Ibid., № 7.338. Это название, видимо, происходит от имени собственного: так, в описи зюграфских владений упомянута вдова Халкисса (Actes de Zographou, № 17.56).

выше Халкургия), более часты, нежели топонимы, произведенные от наименований других металлов.

Интересные сведения можно было бы получить, наконец, собрав имена собственные, связанные с добычей металлов (например Феодор Сидерокавст в грамоте XI в.¹⁵).

Очень важно сделанное Врионисом наблюдение о том, что упоминания византийских рудников учащаются с XIII в. К приведенным в статье сведениям я прибавил бы еще многочисленные свидетельства о квасцовых рудниках XIV — XV вв. в Фокее и на Лесбосе. Возникает естественный вопрос, соответствует ли учащение упоминаний о рудниках в XIII — XV вв. действительному расширению горного дела и не стоит ли это в какой-то мере в связи с развитием элементов капитализма в Средиземноморье.

Таким образом, Врионис положил начало большой и важной теме, но его работа далека от всестороннего освещения проблемы; заключение автора о континуитете горного дела в Византии не обосновано, поскольку он не показал уровня развития византийской металлодобычи в сравнении с римской.

A. K.

KONSTANTIN I METODIJE SOLUNJANI. IZVORI, PRIREDILI F. GRIVEC I F. TOMIŠIĆ

«Radovi Staroslavenskog Instituta», knj. 4. Zagreb, 1960, str. 274

Югославские ученые Ф. Гривец и Ф. Томишич опубликовали сборник источников, касающихся деятельности просветителей славянства — солунских братьев Константина (Кирилла) и Мефодия. Центральное место в томе занимают славянские жития Константина и Мефодия, обычно называемые Паннонской легендой, что, по мнению издателей, неверно: житие Мефодия во всяком случае было составлено не в Паннонии, а паннонское происхождение жития Константина спорно; к тому же и термин «легенда» может вызывать ненужные сомнения в достоверности сообщаемых житиями сведений (стр. 13).

В основу издания жития Константина положена Хиландарская рукопись XVII в., в основу жития Мефодия — рукопись Успенского монастыря в Москве XII в. Текст сопровождается различиями по другим рукописям, а также введениями (к обоим житиям), где рассматривается вопрос о рукописной традиции, и латинским переводом житий с подробным филологическим и реальным комментарием. В Приложении речь идет о некоторых частных (преимущественно терминологических) проблемах.

Помимо двух важнейших славянских источников, Гривец и Томишич включили в сборник латинские памятники [так называемую Итальянскую легенду (по Пражской рукописи), свидетельство Анастасия Библиотекаря, письма римских пап], а также латинский перевод греческого жития Климента Болгарского (в отрывках).

Текстам предпослано большое введение, написанное Гривцом, где дается характеристика всех источников — славянских, греческих и латинских. Автор считает, что славянские рукописи житий передают в общем и целом древнейший текст IX в. (он существовал уже до 885—890 гг.). Нет оснований считать Климента Болгарского автором житий — вопрос об авторстве остается открытым, причем не исключается участие Мефодия в составлении жития Константина (стр. 22).

Специально останавливается Гривец на вопросе о зависимости житий Константина и Мефодия от греческой агиографии: по его мнению, анонимные авторы подражали не агиографам VIII — IX вв., а богослову IV столетия Григорию Назианзину (стр. 24).

Подробно рассмотрены во вводной статье и другие славянские тексты: две похвалы (одна — Кириллу, другая — обоим братьям), три проложные жития, службы, так называемая Хиландарская история и иные, содержащие меньше данных [в том числе Повесть временных лет, которую автор называет: Chronographus Nestor Russus, saec. XI (строго говоря, ее следует датировать началом XII в.)]. Затем Гривец переходит к греческому житию Климента Болгарского и к латинским памятникам. В этой части особенно важно изложение взглядов П. Дево и П. Мейверта о соотношении «Итальянской легенды», на которой стоит имя Льва Остийского (рубеж XI и XII вв.), и книги Гаудериха, писавшего около 880 г. Именно Гаудерихом, т. е. еще в конце XI в., была составлена (или отредактирована?) «Итальянская легенда», а пользовался он для этого как славянскими сочинениями (ex Slavovorum litteris), так и relatio inventoris ejusdem corporis, т. е. донесением Константина, нашедшего «мощи св. Климента». Relatio Константина была, по-видимому, переведена с греческого Анастасием Библиотекарем и переслана Гаудериху (стр. 46 сл.).

Помимо «Итальянской легенды», Гривец анализирует свидетельства Анастасия, папские письма, «Обращение бавар и хорутан» и так называемые Богемские и Моравскую легенды.

¹⁵ Actes de Zographou, № 2.10.